ГУМАНИТАРНОСТЬ КАК ЗНАК БЫТИЯ И ГАРАНТИЯ СОХРАНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

М.А. Маниковская

Исходя из интерпретации гуманитарности как онтологического условия, обеспечивающего антропологическую перспективу, автор рассматривает такие структуры бытия и отношения, в которых осуществляется производство и сохранение человеческого в человеке (образование, общение, художественная культура).

Ключевые слова: гуманитарность, гуманитарный фундамент образования, общение как экзистенциал, феномен Учительства, искусство, художественная культура.

HUMANITARIANISM AS A SIGN OF BEING AND A GUARANTEE OF THE PRESERVATION OF AN ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

М.А. Manikovskaya

Based on the interpretation of humanitarianism as an ontological condition that provides an anthropological perspective, the author considers such structures of being and relationships in which the production and preservation of the human in a person (education, communication, and artistic culture) are carried out.

Keywords: humanitarianism, humanitarian foundation of education, communication as an existential, the phenomenon of Teaching, art, artistic culture.

Заявленная в названии статьи тема, прямо отсылающая к эпистемологическому полю юбиляра, не только знак глубочайшего уважения, но и выражение незыблемого убеждения в непреходящей значимости тех проблем, которые оригинально и плодотворно разрабатывает Борис Васильевич Марков. Ключевая проблематика его исследований, релевантная вызовам настоящего времени, исключительно актуальна, ибо сопряжена с вопросами упрочения антропологической перспективы. Она вовлекает в самую гущу поисков адекватной парадигмы сохранения человеческой идентичности «в пространстве сложных текстов и сверхсложных контекстов» (Б.В. Марков). Эта забота проясняет нашу изначальную интенцию рассмотреть гуманитарность как феномен, детерминирующий и задающий человеческое измерение различным формам бытия.

Эпистемологическое поле, образованное исследуемой проблематикой, условно располагается между веками, установленными противоположными суждениями, придающими ему особое напряжение. С одной стороны, набирающий все большую известность пассаж К. Леви-Стросса: «XXI век будет либо веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще». С другой стороны, замечание Э. Левинаса о том, что в настоящее время «отживает свой век

гуманитарная лексика». Проблематика обозначенного поля далеко не тривиальна, ибо *гуманитарность* – *знак бытия*. Однако апелляция к самопонятности заявленной темы не работает, необходима ее концептуальная экспликация, убедительное обоснование, чтобы не быть уличенными в теоретико-методологической несостоятельности. Глубина и масштаб исследуемой темы, представляющей принципиальное сопряжение онтологического, гносеологического, антропологического измерений, нацеливает на развернутую философскую аналитику различных форм бытия, фундированных гуманитарностью. В предпринятом нами исследовании теоретико-методологическим ориентиром является такое понимание гуманитарности, которое «в целом утверждается в самоопределении через свое отношение к человеку» [11: с. 42].

Гуманитарность задает такой вектор самодетерминации всех субъектов, участников исторического процесса, который обеспечивает свободу мысли, принятие решений, деяний, поступков в горизонте ответственности не только за свой жизненный путь, но и за судьбу человечества. Справедливо суждение Б.В. Маркова, что «и сегодня важной задачей общественности является обсуждение стратегических ориентаций научно-технического про-

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Manikovskaya Maria Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences at Pedagogical Institute of the Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com

© Маниковская М.А., 2021

гресса: каковы его цели и задачи, как гуманитарная культура может и должна участвовать в их обсуждении и выборе» [9: с. 45].

Непредвиденные последствия научно-технической революции в XX веке, явившиеся одной из глобальных причин, спровоцировавших антропологическую катастрофу, наличие которой констатируют как зарубежные, так и отечественные мыслители, актуализировали необходимость гуманитарной экспертизы, выдвинув ее дальнейшее исследование и обоснование как одно из приоритетных философско-теоретических направлений. Смысл гуманитарной экспертизы видится в сохранении и утверждении гуманистической основы жизни и культуры. Она нацеливает все движущие силы общественного прогресса, его различные факторы и стимулы иметь в качестве сущностной основы человеческое измерение.

Социокультурная констелляция современного мира претерпевает радикальные трансформации, манифестацией которых выступает цифровизация всех сторон человеческого бытия. Данное обстоятельство остро выдвинуло проблему гуманитарности на повестку дня. Не нужно обладать особой прозорливостью, чтобы видеть, как новейшие технологии стремительно изменяют жизнь современного человечества. Это происходит буквально во всех ее сферах: экономической, социальной, политической, духовной. Ошеломляющие результаты цифровизации, как известно, породили и усиливают диаметрально противоположные оценки не только на уровне обыденного сознания, но и теоретического. Множатся противоречивые рефлексивные позиции в среде аналитиков и экспертов, располагающиеся в диапазоне от обновленного утверждения, что сегодня новейшие технологии становятся «субъектами истории», до обвинения их в блокировке антропологической перспективы. Как в этой ситуации не напомнить убедительную аргументацию Б.В. Маркова, полагавшего, что такого рода поляризация вызвана «старым бинарным мышлением, оперирующим противоположностями истины и лжи, порядка и хаоса, добра и зла» [8: с. 347]. Хотелось бы заметить, что утверждение «технологии становятся субъектами истории» не сводится к однозначной интерпретации. Оно приобретает иной смысл, если учесть набирающие в настоящее время силу плодотворные гуманитарные технологии.

Бесспорно, что в горизонте беспрецедентных успехов новейших технологий, в частности цифровизации, отчетливо не видятся их риски, а порой – и угрозы, деформирующие человекообразность осуществляющихся инноваций. Данное обстоятельство инициирует широкий спектр изысканий, нацеленных на выявление потенциала укрепления гуманитарности различных форм бытия, способ-

ствующих сохранению идентичности человека и онтологического порядка, задающего всему человеческую меру, меру, достойную человека.

Нет сомнения, что важнейшим бытийным фактором, фундаментирующим и культивирующим гуманитарность, является *образование*. При этом данный феномен, конечно, не сводится к передаче и получению знаний, как самых общих, необходимых для адаптации в мире, социализации, так и специальных, обеспечивающих профессиональную деятельность. Мы исходим из такой интерпретации, согласно которой «образование – это почти универсальный феномен» [3: с. 51]. Вместе с тем наделение образования таким широким статусом еще не свидетельствует о преодолении «знаниевой парадигмы». Образование – по сути воплощение гуманитарности. Его содержание и смысл – в *образовании* человека, формировании его определенного образа. Проблему, актуальность которой не только не утрачивается, но еще в большей мере возрастает, мы видим в необходимости внятного прояснения *условий возможности образования человека как человека*. В сегодняшнем мире, радикально меняющемся вследствие новейших технологий, дают о себе знать не только обусловленные ими риски, но и угрозы будущему человека. Не может не тревожить вмешательство в геном человека, обещание радикального трансгуманизма, появление к середине текущего века «неочеловечества», амбиции ревнителей новейших технологий явить миру «цифрового человека».

Осуществляя намерение прояснить условия сохранения и упрочения гуманитарности, следует акцентировать и активировать имеющийся надежный, удостоверенный опытом человечества потенциал, незаменимая роль которого сегодня умаляется, а порой и деформируется.

Особенно заботит – это истончение *гуманитарного фундамента* образования в высшей школе. Великий Сократ, положивший традицию просвещения, утверждал неразрывность знания и добродетели, качества, по определению, – человеческого. Идея достоинства гуманитарного знания прочно укоренилась и в русской философии. Животворящая сила гуманитарного знания инициирует и движет различные явления, как духовные, так и материальные. Убедительно характеризует М. Мамардашвили непреходящее значение «того гуманитарного знания или гуманитарной искры ее какой-то производящей духовной клеточки, которая *описывается* в понятиях философии и связана с духовным развитием личности» [5: с. 14]. Почти тридцатилетней давности тревога авторитетного философа, вызванная фундаментальными просчетами в деле приобщения студентов к философскому знанию, не лишилась своей почвы и в настоящее вре-

мя. Вследствие довлеющей образовательной прагматики (изучение этой дисциплины на первом курсе, резкое сокращение часов на семинарские занятия) сжался хронотоп философских занятий, смысл которых – в диалоге (полилоге) развивать и оттачивать критическое мышление, рефлексивную позицию.

Гуманитарное знание, и в его составе – философское, подобно кладезю мудрости, из которого чем больше берешь, тем он глубже становится. Специфика полифункциональности гуманитарного знания обнаруживается в самых разных проявлениях. Оно способно играть роль терапии (В. Подорога). Гуманитарные науки укрепляют иммунитет к технократическому сознанию, которое сегодня стремится захватить территории, ему не принадлежащие. Уместно напомнить интересный и весьма конструктивный факт связи гуманитарного знания с государственными институтами, существовавший в Древнем Китае. Знание философских учений, литературных текстов, умение слагать стихи считалось необходимым для чиновников и включалось как обязательное условие сдачи экзамена на государственный чин. Эта экзаменационная система, складывавшаяся в период превращения конфуцианства уже со II в. до н.э. в официальную идеологию, актуализирована в настоящее время – время такого темпа цифровизации, за которым не успевает осмысляющее его сознание. Сегодня этот «правополушарный экзамен» представляется как «спасение» от технократизма.

Исключительно принципиальна в нашей логике экспликации роли гуманитарного фундамента образования рефлексивная позиция на этот счет технической элиты. Анализ этой позиции обстоятельно развернут стратегическим консультантом крупнейших компаний, в том числе Ford, Adidas, Chanel, Кристианом Мадсбьергом в работе, которая органично включается в исследуемое нами проблемное поле, «Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов». Скрупулезно рассматривая обширный круг эмпирических фактов жизни и бизнеса, автор убедительно доказывает их успешность благодаря тому, что они имели опору на гуманитарное знание. Лидеры прорывных инноваций мудрых политических и финансовых решений черпали эвристические идеи, находили оригинальные революционные выходы, надежные ориентиры нестандартного поведения в гуманитарной культуре. Именно она формирует критическое мышление, которое в мире, где правят алгоритмы, едва ли не отпало в утиль. К. Мадсбьерг настаивает, что ценность гуманитарных наук не подлежит сомнению, ибо интенсивная вовлеченность в знания, которые они дают, лежат в основе практики, называемой им *осмыслением*. Осмысление, противостоящее чарам «пения сирен», обещающих, что технологии спасут чело-

вечество, позволяет понизить их «до хорошо обученного помощника». Только человеку дано выяснить, что делать, когда благодаря технологиям цели постигнуты. Люди нужны «для производства и интерпретации смысла. Сфера гуманитарных наук идеальна в качестве учебной площадки для таких начинаний» [4: с. 191].

Очевидные контуры цифровой реальности, стремительный темп наступления и прогнозы мирового сообщества ученых убеждают в невиданно плодотворном ее потенциале. Однако чем эффективнее этот процесс, тем значительнее его риски и негативные следствия. Одним из таких следствий является наблюдаемая деформация общения, его дегуманизация. В соответствии с экзистенциальной антропологией феноменологически проявляющим способом специфики и уникальности человеческого бытия в отличие от другого сущего выступают экзистенциалы. Это такие формы человеческой жизни, которые свидетельствуют, чем человек является по сути. Философы спорят по поводу экзистенциального статуса тех или иных форм жизни, но, ограничивая «обязательный минимум», включают в него общение как феномен смыслового характера человеческой жизни. При всей близости с коммуникацией и диалогом – это особое отношение. «Современный общенаучный язык (в особенности в его «русском варианте») сам рассказывает о различии общения как акцентировано индивидуально-личного отношения и коммуникации как отношения социально-институализированного и как такового обезличенного» [13: с. 233]. И если иметь в виду истоки происхождения самого понятия «гуманизм», то его, как замечает Б.В. Марков, «...можно определить как дружеское общение при помощи письма». Бесспорно, новейшие технологии многократно расширяют возможности взаимосвязи между людьми, но в них все меньше места подлинному общению. Наглядным подтверждением этому, ставшим хрестоматийным, является «смартфонное общение» на свидании. По-видимому, приближается время, когда может сбыться предупреждение А. Эйнштейна, боявшегося, что обязательно наступит день, когда технологии превзойдут простое человеческое общение, и мир получит поколение идиотов. Общение, порождающее взаимопонимание, согласие насущных друг другу смыслов, открывающее новые горизонты, сохраняет и укрепляет антропологическую перспективу. Думается, что и упрочиваемая редакцией традиция посвящать специальные выпуски журнала оригинальному новаторскому творчеству юбиляров – это «плодоносное» воплощение гуманитарности и экзистенциального общения.

Полагаем, что общение, высекающее «гуманитарную искру» (М. Мамардашвили), высвечивает и смысл феномена Учительства.

Возможно из перспективы цифровизации образования феномен и опыт Учительства кому-то покажется анахронизмом, неуместным в условиях сегодняшних требований государственных стандартов. Однако педагогическое сообщество, в том числе и высшей школы, давно осознало, что образование – не столько трансляция знаний, сколько – образование человека в его полноте и целостности. При таком понимании и Учительство, смысл которого определился уже в древности как на Востоке, так и в античной Греции, не утратило своей значимости. В настоящее время оно приобретает еще больший смысл. Учительство, по-нашему разумению, основанному на традиции, существующей более двух с половиной тысяч лет, невозможно редуцировать к деловому общению, утилитаристски понимаемому общему делу, хотя и осуществляющемуся в общем деле – образовании. Возражение обусловлено тем, что содержание и дух Учительства превосходят границы инструментальной рациональности, которой не подвластна особая форма солидарных отношений, сопряженных с образованием. Учительство одухотворяет образование, воплощает духовные скрепы между учителем и учеником, в нашем случае – преподавателем и студентом, мыслится путеводной духовной силой неразрывного образовательно-воспитательного процесса. Феномен Учительства несет глубокий нравственный смысл, ибо включает ответственность не только за содержание знаний, их плодотворность, но в большей мере – за воспитание, культивирование человечности.

Вместе с тем многолетний опыт работы в сфере высшего образования, рефлексия по поводу дела всей жизни, склоняет к мысли, что утрачивается животворящая сила Учительства. Намеренно акцент нами сделан на такой особенности рассматриваемого феномена, как *животворение*: творение человека в живом общении. Великий Сократ, применяя свой знаменитый метод майевтики как плодотворный прием, способствующий рождению истины, побуждал к размышлению, поиску ответов на экзистенциальные вопросы в живом диалоге. Он убедительно доказывал, что истинное знание человек может обрести собственными усилиями, а не получить готовым. Этот опыт стоил жизни древнегреческому мыслителю, но он высветил плодотворность майевтики, удостоверенную духовным опытом человечества.

Одной из очевидных примет переживаемого перманентного кризиса высшего образования в нашей стране является смещение акцента в сторону стандартизации, чрезмерного усиления нормативности и формализма. В такой ситуации декларируемые возможности формирования человека, свободно, широко и самостоятельно мыслящего, спо-

собного на эффективный интеллектуальный поиск и творческое решение, условия для майевтики как постижения истины, выстраданных личных ответов на смысложизненные вопросы, сужаются. Не случайно в настоящее время появилась новая профессия – лайф-коучинг [2]. Ее представители, коучи, готовы научить, что явствует из самого названия, как выстраивать жизнь, чтобы добиться желанного результата. Понятно, что инициаторы и разработчики идеи лайф-коучинга не имеют цели создания абсолютно готовых рецептов, для всех одинаковой схемы разрешения напряженных конкретных ситуаций. Вместе с тем в предлагаемой деятельности коучей есть соблазн, надежда на волшебство, на чудо без большого личного усилия. Обозначая проблему размышления, мы намеренно артикулируем ее в форме, предоставляющей альтернативу: майевтика и (или) лайф-коучинг. Сформулированная таким образом проблема манифестирует ее экзистенциально-нравственный план, ибо ориентирует на рефлексивную личностную позицию, ответственный выбор. Несомненно, майевтика и лайф-коучинг принадлежат различным «весовым» категориям. Майевтика, обладая философско-методологическим потенциалом, обеспечивает жизненную стратегию, нацеленную на самосозидание, самосовершенствование, ответственное самоопределение. Она способствует формированию человека, открытого навстречу будущему, умеющего отвечать на его вызовы. Лайф-коучинг – скорее технология, ориентирующая на решение конкретных задач под эффективным руководством.

Нельзя уходить сегодня и от остро поставленных и обсуждаемых вопросов: является ли образование сферой услуг, не спровоцирует ли обязательная ориентация на предпринимательство в образовании его дегуманизацию, можно ли противостоять «овеществляющему насилию»? Представляется, что в преодолении сложных проблем, в самоопределении ответственной личностной позиции ориентиром может стать нравственная философия, сократовско-платоновский опыт Учительства. Уникальность опыта Сократа, на наш взгляд, замечательно высветили З. Миркина и Г. Померанц, прибегнув к восточной легенде [10]. Согласно этой легенде один мудрец провел на бумаге линию и попросил другого, не прикасаясь к ней, укоротить ее. Мудрец подумал и провел рядом с этой линией другую, более длинную. Ироничный Сократ никого не поучал, не бичевал. Но он был той «длинной линией», рядом с которой люди видели свои подлинные «размеры». Платон – великий Учитель человечества, по характеристике А.Ф. Лосева, всем строем своих «Диалогов»: и глубиной философского содержания, и художественно-выразительной формой изложения побуждал задуматься и найти

личный ответ на экзистенциальные вопросы, на которые нет готовых решений.

Особым гуманитарным знаком бытия выступает искусство, ибо его сущность *есть полагание истины в художественное творение*. Мысль, запечатленная в этой формуле, тематизирована М. Хайдеггером в его произведении «Исток художественного творения» [12]. Акцентируя особенность искусства как знака бытия, воспользуемся сравнением Б.В. Маркова и скажем, что художественные творения являются «некими судьбоносными дарами, которые нельзя не принять» [7: с. 104]. А нельзя не принять, потому что искусство – незаменимый атрибут человеческого бытия, обеспечивающий сохранение подлинности и целостности человека. Это утверждение уже давно отрефлексировано философией и удостоверено духовным опытом человечества. Нас же интересует судьба искусства в эпоху его технического воспроизведения. Эта проблема впервые была отчетливо сформулирована В. Бенямином в своем классическом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Проницательный и глубокий анализ новых условий и тенденций существования художественного творения позволил немецкому теоретику убедительно и аргументированно утвердить неизбежность метаморфозы искусства как следствие его технического репродуцирования и тиражирования. Свидетельством метаморфозы является то, что «произведение искусства лишается своей ауры» [1: с. 33]. В аналитике В. Бенямина понятие ауры несет нагрузку базового концепта, ибо в ней воплощается сущность искусства, подлинность, уникальность, оригинальность художественных произведений. В результате технической воспроизводимости утрачивается это сущностное свойство искусства, «здесь и сейчас оригинала» [1: с. 20]. Теоретик акцентирует идею, имеющую концептуальное значение: «Но в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведений искусства, преобразается вся *социальная* (выделено нами. – М.М.) функция искусства» [1: с. 28]. Тематизируемая В. Бенямином метаморфоза оказывается принципиально значимой не только для судьбы самого художественного творения, но и для тех, кому оно адресовано. Со времени выхода пионерской работы В. Бенямина возможности технического воспроизводства стали гораздо шире. Нынешняя эпоха своей технической и все расширяющейся мощью поставила под вопрос подлинность художественных произведений и соответственно суверенный статус искусства в жизни современного общества. Стало больше технических средств и способов для имитации и симуляции художественного творчества. Это, с одной стороны. С другой – нельзя отрицать, что та же со-

временная техника (в их числе компьютерные технологии) открыла новые перспективы самовыражения художников, умножила арсенал используемых средств и приемов художественной деятельности, обусловила появление понятия «цифровое искусство» и, видимо, отчасти понятия «соврикс», что значит – современное искусство. Техническое воспроизведение является онтологически обусловленным способом, обеспечивающим присутствие художественных творений в структуре социального воспроизводства жизни. Суть же этого способа такова, что его осуществление есть одновременно *превращение* художественных творений в ценности художественной культуры общества. Данное обстоятельство, свидетельствующее о радикальных переменах, связанных с социальным бытием произведений искусства, выводит эту констелляцию на уровень философской рефлексии экзистенциально-антропологической значимости ее следствий и образует проблемное поле, глубинным смыслом которого является философское вопрошание о возможности сохранения человеческой идентичности в условиях тотального технического воспроизведения [6].

Смысл художественной культуры как социальной сферы системных отношений производства-потребления художественных ценностей состоит в *охранении* художественных творений в социальном пространстве человеческой жизни. Под охранением мы понимаем техническое воспроизведение художественных творений, аутентичных бытию оригинала, и соответствующие этому смыслу диспозиции социальных агентов. Лишая художественное творение себе-тождественного-бытия, художественная культура обеспечивает ему бытие-для-многих в *превращенной* форме и тем самым гарантирует художественному творению социальное бытие.

В социальном пространстве жизни художественная культура становится универсальной формой реализации сущностной потребности человека в творчестве посредством эстетического переживания художественных ценностей как своего-иного художественных творений. Событие эстетического переживания, гарантируемое художественной культурой, является адекватным внутреннему опыту человеческого существования, его фундаментальной потребности в самотождественности, благодаря чему она (художественная культура) становится плодотворным способом самоидентификации человека.

В сегодняшних условиях радикальных перемен, невиданных возможностей развития, трансформации общества и человека настоятельно требуется осмысления и понимания необходимости гуманитарной размерности всех форм, отношений, практик человеческого бытия. Гармоничное сопряжение в осуществляемых преобразованиях и переменах технологической и гуманитарной составляющих

способно обеспечивать условия формирования социальной и культурной идентичности человека с его способностью быть иным при сохранении самотождественности, полагающей полноту и целостность своего Я, и гарантировать тем самым антропологическую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / В. Беньямин. – Москва : Медиум, 1996. – С. 15–65.
2. Вильямс, П. Лайф-коучинг – новая профессия для психотерапевтов : как перейти от психотерапии к коучингу : / П. Вильямс, Д. Дейвис ; пер. с англ. – Москва : Междунар. акад. коучинга, 2007. – 250 с.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1998. – 704 с.
4. Мадсбьерг, К. Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов / К. Мадсбьерг. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 208 с.
5. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.
6. Маниковская, М.А. Введение в философию художественной культуры / М.А. Маниковская. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 304 с.
7. Марков, Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 561 с.
8. Марков, Б.В. Культура повседневности : учебное пособие / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 352 с.
9. Марков, Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – 304 с.
10. Миркина, З. Великие религии мира / З. Миркина, Г. Померанц. – Москва : РИПОЛ, 1995. – 416 с.
11. Фролов, И.Т. Культура и научно-технический прогресс / И.Т. Фролов // Красная книга культуры. – Москва : Искусство, 1989. – 423 с.
12. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков: Трактаты, статьи, эссе. – Москва : Изд-во Моск. ун-та., 1987. – С. 264–312.
13. Ячин, С.Е. Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена / С.Е. Ячин. – Владивосток : Даль-наука, 2001. – 279 с.